

ПОСМЕРТНЫЙ ВЕНОК СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ: В ПРЕДДВЕРИИ ЮБИЛЕЙНОГО ГОДА ПОЭТА

УДК 821.161.1

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-6122-102-108>

Е. Ю. Коломийцева

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: mguki135@list.ru

М. В. Скорыходов

Институт мировой литературы им. А.М. Горького,
Российская академия наук,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: msk2002@rambler.ru

Аннотация. В данной статье обобщается и анализируется реакция отечественных и зарубежных средств массовой информации на трагическую гибель Сергея Александровича Есенина в декабре 1925 года. В этих откликах писателей, журналистов и специалистов разного профиля (докторов, криминалистов и т. д.) нашли свое отражение неоднозначные обстоятельства смерти поэта, а также – оценки произошедшего различными акторами событий. Сквозь призму таких оценок становится очевидным не только принципиально разное отношение власти и литературной общности к личности национального поэта (в том числе исходя из его убеждений и бурной биографии), но и просматриваются особенности процесса формирования политической повестки того времени относительно значимости фигуры Сергея Есенина в культурной и общественной жизни России.

Ключевые слова: Сергей Есенин, посмертный венок, отклики прессы, версии смерти поэта.

Для цитирования: Коломийцева Е. Ю., Скорыходов М. В. Посмертный венок Сергею Есенину: в преддверии юбилейного года поэта // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №6 (122). С. 102–108. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-6122-102-108>

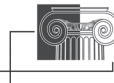
КОЛОМИЙЦЕВА ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА – доктор филологических наук, заведующая кафедрой журналистики, Московский государственный институт культуры

СКОРОХОДОВ МАКСИМ ВЛАДИМИРОВИЧ – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Российская академия наук

KOLOMIYTSEVA ELENA YURIEVNA – DSc in Philology, Head of the Department of Journalism, Moscow State Institute of Culture

SKOROKHODOV MAXIM VLADIMIROVICH – CSc in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

© Коломийцева Е. Ю., Скорыходов М. В., 2024

POSTHUMOUS WREATH FOR SERGEY YESENIN: ON THE EVE OF THE POET'S ANNIVERSARY YEAR

Elena Yu. Kolomiitseva

Moscow State Institute of Culture
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: mguki135@list.ru

Maxim V. Skorokhodov

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: msk2002@rambler.ru

Abstract. This article summarizes and analyzes the reaction of domestic and foreign newspapers to the tragic death of Sergei Yesenin in December 1925. These responses by journalists and various experts reflect the ambiguous circumstances of the poet's death, as well as the assessments of the events by various actors. Through the prism of such assessments, one can see not only the different attitudes toward Yesenin's personality, including based on his convictions, but also the overall features of the process of forming the political agenda of that time, demonstrating the significance of the poet's figure in the cultural and social life of Russia.

Keywords: Sergey Yesenin, posthumous wreath, press responses, versions of the poet's death.

For citation: Kolomiitseva E. Yu., Skorokhodov M. V. Posthumous wreath for Sergey Yesenin: on the eve of the poet's anniversary year. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 6 (122), pp. 102–108. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-6122-102-108>

В конце декабря 1925 года погиб русский поэт Сергей Есенин. Причины и обстоятельства его смерти до сих пор вызывают споры у историков, литературоведов, криминалистов, обычных поклонников творчества. Как известно, копыта ломаются, прежде всего, в отношении того, сам ли поэт покончил с собой или все же произошло циничное убийство. В этой связи представляется важным обратиться к изучению того, как на смерть Есенина откликнулись СМИ того времени.

Газеты многих городов Советского Союза публиковали материалы, касающиеся смерти Есенина, без объяснения причин его гибели. Так, например, «Тверская правда» в номере от 30 декабря под заголовком «Поэт Есенин покончил самоубийством» информировала читателей: «На днях поэт Есенин приехал в Ленинград и остановился в гостинице "Интернационал". Утром 28-го декабря Есенин не выходил из номера. Заподозрив неладное, администрация гостиницы взломала дверь. Есенин висел на веревке на трубе парового

отопления, на обеих руках у кистей у него были перерезаны вены. Между прочим, в комнате была найдена начатая записка, написанная кровью» [9]. Если взором неискушенного читателя газеты прочитать эту краткую информацию, прежде всего, бросается в глаза несоответствие разных частей ее текста. Странным кажется, что администрация гостиницы, не увидев рано утром одного из постояльцев, тут же бросилась к его номеру и взломала дверь. Кроме того, если человек с перерезанными на обеих руках венами висел под потолком на веревке, то самоубийство в таком случае представляется сомнительным. Поскольку человек не может, перерезав вены, закрепить веревку на большой высоте, сделать петлю и повеситься. Объяснить такие противоречия можно лишь тем, что в газете публиковалась недавно полученная информация, которую, не вникая в суть, надо было экстренно включить в очередной номер.

Некоторые авторы первых посмертных публикаций о поэте попытались интерпре-

тировать смерть Есенина как логичное завершение его жизни. Если сформулировать это кратко, то жизнь поэта оказывается до удивления проста и примитивна, полностью соответствует некоторым тогдашним упрощенным социологическим представлениям: Есенин, выходец из крестьянской (а не рабочей – передовой, как тогда полагали) среды, не понял масштабов свершившейся пролетарской революции, происходящих в стране преобразований, в связи с этим окупился в омут «Москвы кабацкой», но и это не принесло ему удовлетворения, поэтому он и повесился. Несколько характерных примеров тому содержится в статье Михаила Левидова, опубликованной в «Вечерней Москве» 5 января 1926 года. Показательно и название материала – «Смерть учит» – с подтекстом: вот как не надо себя вести, чтобы жить. Причем жить именно так, как это предписано идеологическими постулатами, как следует жить человеку в стране, строящей светлое будущее. В качестве эпиграфа взяты строки из последнего есенинского стихотворения: «В этой жизни умереть не ново, / Но и жить, конечно, не новей».

Итак, несколько положений из левидовской статьи и краткие, но необходимые комментарии. «Этот печальный, одинокий труп в четырех стенах, печальных и уединенных, эти печальные и одинокие строчки, написанные отравленной кровью, – самое страшное в этом: такая постановка не нова, но такая постановка не имеет права на существование сейчас, в наши дни» [4], – пишет Левидов, стараясь представить Есенина как человека, оказавшегося одиноким в новом государстве. Противопоставляя поэта и государство, Левидов даже есенинскую кровь воспринимает как отравленную: «"Русизм" последнего есенинского акта, вполне в стиле русизма есенинских коротких странствований, вполне в стиле российской писательской дореволюционной жизни. Тридцатилетний поэт перекликнулся своими печальными, отравленными строками с призраками и тенями этих тридцатилетних и сорокалетних самоубийц русской литерату-

ры: с теми, кто бросился в пролеты лестниц, кто погиб от петли, от яда, от алкоголя, от белой горячки, от черной тоски, с самоубийцами вольными и невольными, с теми, кто длительное отсутствие воли к жизни заменяли острым припадком воли к смерти. И Есенин, – последний в печальном ряду, – был едва ли не самым убежденным из самоубийц русской литературы» [4]. Левидов не называет здесь фамилий, ему и не нужны фамилии. Главное для него – поставить Есенина в сконструированный в его воображении ряд самоубийц, снизить притягательную силу есенинского творчества, нивелировать значимость и ценность его жизни. Действительно зная творчество Есенина, сложно поверить в то, что для поэта было характерно «длительное отсутствие воли к жизни». Конечно, этого не было. Левидов не заявляет об этом прямо, но создает соответствующий контекст, в котором к Есенину искусственно притягиваются некие безымянные люди, лишенные «воли к жизни» и наделенные лишь волей к смерти.

Из десяти лет писательской жизни Есенина, заявляет Левидов, пять последних лет «были годами медленного и упорного самоубийства, прожитыми в бреду отравленного тоской алкоголя, и одиночества мрачных скитаний, в удушливом тумане зарождавшейся душевной болезни, безжалостной угрозе развивавшейся горловой чахотки, в мрачном удовлетворении очередным всплеском хаотического буйства...» [4]. Вот таков, по мысли Левидова, путь Есенина. Так пишет спустя пять дней после похорон поэта человек, который в одной из статей 1922 года называл себя его другом. За пять лет, которые Левидов трактует как медленное самоубийство, Есениным написаны его лучшие произведения, вошедшие в сокровищницу русской поэзии. За этот период им подготовлено и издано два десятка авторских книг, а тридцать изданий было задумано, но по различным причинам так и не вышло из печати. Есенин побывал во многих странах Европы, в Америке, совершил поездки в Туркестан, на Кавказ, побывал во многих городах родной страны. И везде –

поэтические вечера, выступления в переполненных залах, общение с читателями.

Однако Левидов пошел на заведомую ложь, истинная цель которой вполне очевидна. Оказывается, столь неуклюже он борется не с самим Есениным, уже мертвым, а со строками Есенина, за считанные часы ставшими известными по всей стране, с его посмертной славой. «Мы твердо знаем, – заявляет Левидов, – что последние печальные строки Есенина звучат тягостной клеветой на нашу эпоху. Неправда, жить сейчас – ново, жить сейчас в СССР, – это значит жить так, как никто никогда не жил. А умереть, – кто живет ново, тот не думает, что "умирать не новей"» [4].

Теперь понятно, почему Левидов пытается опорочить жизнь и творчество Есенина. Смерть великого поэта не вписывается в создаваемую им картину радостной жизни в стране. Все должны быть удовлетворены, причем не самой жизнью, которая была в те годы трудна и непроста, а «радостным смыслом» эпохи. А Есенин, его жизнь, его творчество и его смерть не соответствуют этому «радостному смыслу». Потому столь усердно и доказывает Левидов, что Есенин был одинок, не поняв этого «радостного смысла» эпохи.

Через день после левидовской статьи в той же «Вечерней Москве» появились ответы на вопросы анкеты о самоубийстве, на которую откликнулись нарком здравоохранения Н. Семашко и профессор, главный врач психиатрической лечебницы, В. Гиляровский. Вполне ожидаемо, что они упомянули и о смерти Есенина. Нарком выказал себя знатоком есенинского творчества, заявив, что «все последние произведения его свидетельствуют о том, что он потерял нить жизни» [8]. Однако об этом вряд ли свидетельствуют вышедшие в середине 1925 года авторские книги Есенина «Персидские мотивы» и «Избранные стихи» или опубликованные в октябре 1925 года в журнале «Красная нива» стихотворения с посвящением «Сестре Шуре» и напечатанные в ноябре в журнале «Красная новь» – «Голубая кофта, синие глаза...», «Слышишь – мчатся

сани, слышишь – сани мчатся...», «Сочинитель бедный, это ты ли...». Позволим себе не согласиться с народным комиссаром здравоохранения, отметив, что в этих и во множестве других стихотворений Есенина, созданных в последние месяцы его жизни, ощущается неумная жизненная энергия, они свидетельствуют о творческом расцвете поэта.

В. Гиляровский, по существу, вторит М. Левидову, отмечая: «Самоубийство Есенина не может считаться характерным для нашей эпохи; для понимания этого случая нужно, прежде всего, иметь в виду, что работа писателя, как художника слова, ведет к очень большому физическому и мозговому переутомлению» [8]. Таким образом, и профессор-психиатр отводит вину за смерть Есенина от эпохи и характерных для нее противоречий. Опасная, дескать, эта сфера деятельности – писать стихи, и вот как результат – самоубийство.

Откликнулись на смерть Есенина и многие эмигрантские издания. Уже 29 декабря 1925 года, на следующий день после гибели поэта, рижская газета «Сегодня вечером» сообщила: «Вчера по Петрограду разнесся слух, что известный поэт Сергей Есенин покончил с собой» [11]. 30 декабря нью-йоркская газета «Новое русское слово» опубликовала подборку материалов «Поэт оставил записку, написанную собственной кровью» [10]. Парижская газета «Дни» в тот же день информировала читателей: «О причинах самоубийства Есенина, о котором мы знаем лишь по сухой телеграфной строчке, сейчас можно только догадываться» [7]. В этой краткой заметке справедливо отмечено, что информационные агентства распространяли лишь очень краткую информацию, не давая каких-либо комментариев, не углубляясь в детали и причины произошедшего.

Так как не было официального объяснения причин трагедии органами, которые должны были заниматься расследованием причин смерти поэта, газетчики стали просить назвать причины самоубийства тех людей, которые хорошо знали Есенина. 3 января

1926 года нью-йоркский «Русский голос» приводит высказывание Айседоры Дункан: «Есенин отчаялся жить в мире, где так мало людей, действительно любящих искусство. По всей вероятности, он покончил с собой в минутном припадке безумия. Мое утешение заключается в мысли, что его поэмы переживут его трагическую смерть» [2]. Дункан, с которой Есенин объездил в 1922–1923 годах многие страны мира, которая его прекрасно знала, полагает, что Есенин мог совершить самоубийство лишь «в минутном припадке безумия». Отметим, что это мнение противоречит уже созданной к тому времени версии о самоубийстве, авторы которой стремились показать, что поэт сознательно готовился покончить с собой: велел никого не пускать в свой номер, перерезал вены на руках, повесился [14].

Уже в начале 1926 года вечера памяти Есенина прошли в Москве и Ленинграде, Ростове-на-Дону и Ярославле, многих других городах. Участвовали в этих вечерах и поэты, однако правления Союза поэтов и Союза писателей 8 января 1925 года приняли специальное постановление, ограничивающее подобные выступления. Никто из членов Союзов не имел права принимать участие в вечерах памяти Есенина без соответствующего разрешения правления. Такая странная мера объяснялась тем, что есть, якобы, некие лица, устраивающие вечера памяти Есенина со спекулятивными целями. Однако истинной причиной попытки сделать менее притягательными эти мероприятия, скорее всего, были не некие «спекулятивные цели», а реакция слушателей – тех людей, которые приходили в залы разных городов, чтобы почтить память поэта.

Напомним, что один из первых есенинских вечеров прошел в Московском камерном театре, его вел директор театра А. Я. Таиров. Выступали поэты С. М. Городецкий, В. Г. Шершеневич, стихотворения памяти Есенина читали П. В. Орешин, С. А. Клычков, А. Б. Мариенгоф. Центральные советские издания дали информацию об этом вечере, но не упомянули о поведении людей, собравшихся в зале. Об этом сообщил корреспондент парижской

газеты «Дни» (материал был напечатан 15 января): «На вечере памяти Есенина, устроенном в Камерном театре 4 января, большинство публики на заявление представителя Наркомпроса, что Есенина нельзя считать поэтом революции, *ответило свистом* и весьма нелестными замечаниями по адресу большевистских сановников, а *некоторые лица из публики требовали изгнания из зала убийц Гумилева и Есенина*» [1]. Данную информацию перепечатала без ссылки на первую публикацию нью-йоркская газета «Новое русское слово» 30 января. Это сообщение может иметь двоякое толкование: Есенин был убит или затравлен преследованием и доведен до самоубийства. Отметим, что сходную версию высказал много десятилетий спустя председатель Комиссии Всероссийского писательского Есенинского комитета по выяснению обстоятельств смерти поэта Ю. Л. Прокушев: «... для меня становится все более очевидной та истина, что Есенин был убит дважды. Да! Дважды! Поэта довели до петли, до самоубийства или действительно убили – если это будет в конце концов установлено документально и неопровержимо – преднамеренно. <...> Второй раз Сергея Есенина убили уже после смерти – убили на десятилетия его поэзию, пытаясь кощунственно оторвать поэта от народа» [13, с. 12]. Так что переклички возникают в разное время и у разных людей, объединенных одним – любовью к великому поэту России.

Основываясь на статье В. Елагина, опубликованной 7 февраля 1926 года в нью-йоркской газете «Русский голос», можно раскрыть еще одну версию смерти Есенина, возникшую в эмигрантских кругах. Собственный корреспондент рижской газеты «Слово» передал в свою редакцию сообщение об особом отряде ЧК, который отравил Есенина. Самоубийство было инсценировано. Посмертное стихотворение написано поддельным почерком. Следователя, который вел дело в направлении убийства, «убрали».

Запрет писателям участвовать в вечерах, посвященных памяти Есенина, – это как раз характерный пример второго убийства

(по терминологии Ю. Л. Прокушева). Отреагировала на этот «приказ писателям и поэта́м», именно так и назвав данное решение, парижская газета «Дни». «Постановление это мотивировано ссылкой на попытки разных лиц устраивать указанные вечера с "спекулятивными целями", – пишет газета. – Но, разумеется, "умысел другой тут был": смерть Есенина напомнила о гибели Гумилева и многих других, и "есенинские вечера" стали... неудобны» [12]. В заметке смерть Есенина вписывается в ряд организованного, да и реализованного властью уничтожения безвинных людей.

Однако все меры, предпринимаемые *власть предержащими*, оказывались явно недостаточными для того, чтобы снизить значимость есенинского творчества и значительность его смерти среди множества людей – поклонников его поэзии. И тогда на арену борьбы выходит Л. Д. Троцкий. Точнее, на сцену Московского художественного академического театра, в котором проходил вечер памяти Есенина, вышел артист этого театра Л. М. Леонидов. Он-то и исполнил «ярко и образно», как писали газеты, от имени Троцкого его речь памяти Есенина. Это выступление должно было стать ударом двойной силы, направленным на нивелирование заслуг Есенина: политик такого масштаба как Троцкий и мхатовский артист. Прозвучавшая 18 января 1926 года речь была опубликована в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» 20 января, а затем неоднократно переиздавалась. К сожалению, процитировать можно только печатную версию речи Льва Давидовича и попытаться представить, как звучали со сцены слова: «Мы потеряли Есенина – такого прекрасного поэта, такого свежего, такого настоящего. И как трагически потеряли! Он ушел сам, кровью попрощавшись с необозначенным другом, – может быть со всеми нами. Поразительны по нежности и мягкости эти его последние строки. Он ушел из жизни без крикливой обиды, без позы протеста, – не хлопнув дверью, а тихо прикрыв ее рукою, из которой сочилась кровь. В этом жесте поэтический и челове-

ческий образ Есенина вспыхнул незабываемым прощальным светом. <...> Прикрываясь маской озорства – и отдавая этой маске внутреннюю, значит не случайную, дань – Есенин всегда, видимо, чувствовал себя – не от мира сего. Это не в похвалу, ибо по причине именно этой неотмирности мы лишились Есенина. Но и не в укор, – мыслимо ли бросать укор вдогонку лиричнейшему поэту, которого мы не сумели сохранить для себя! <...> Автор "Путачева" и "Баллады о двадцати шести" был интимнейшим лириком. Эпоха же наша – не лирическая. В этом главная причина того, почему самовольно и так рано ушел от нас и от своей эпохи Сергей Есенин» [3]. Поэт погиб якобы потому, что «не сроден» революции, но она «усыновит» его, стремление же к смерти было свойственно ему изначально.

Это выступление Троцкого не могло изменить повсеместного почитания Есенина, которое охватило все уголки Советского Союза. Прав О. Леонидов, писавший в «Вечерней Москве» (21 января 1926 года): «Последние недели в Москве поистине могут быть названы "неделями о Есенине". Погибшего поэта вспоминают почти ежедневно на открытых и закрытых вечерах, артисты читают его стихи, поэты – стихи, посвященные ему; знавшие Есенина рассказывают о том, как он жил и работал. Из всех этих стихов и воспоминаний проступает образ живого Есенина, каким его знала и любила писательская Москва» [5].

Добавим, что любила и ценила не только Москва, и не только писательская. Появлялись многочисленные стихи памяти поэта, не все они опубликованы, многие безвозвратно утрачены. Но и то, что сохранилось на страницах периодических изданий, в сборниках, посвященных памяти Есенина, в архивах, – свидетельство подлинной народной любви к поэту. Эти стихи говорят о том, что Есенин оказал значительное влияние на всю последующую русскую поэзию. А его смерть была воспринята как невосполнимая утрата, как глубоко ощущаемая личная боль и трагедия, что, прежде всего, и опровергает тенденциозные публикации официальной прессы.

Список литературы

1. Вечер памяти С. Есенина // Дни. 1926. № 904 (15 января). С. 4.
2. Дункан отрицает развод с Есениным // Русский голос. 1926. № 3701 (3 января). С. 3.
3. Из Москвы по телефону. Товарищ Троцкий об Есенине // Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов. 1926. № 16 (20 января). С. 2.
4. Левидов М. Смерть учит // Вечерняя Москва. 1926. 5 января. С. 6.
5. Леонидов О. Живой Есенин // Вечерняя Москва. 1926. 21 января. С. 6.
6. Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: монография. В 5 томах. Т. 5. Кн. 2. Москва: ИМЛИ РАН, 2018. 544 с.
7. Некролог С. Есенину // Дни. 1925. № 891 (30 декабря). С. 8.
8. О самоубийстве: анкета // Вечерняя Москва. 1926. 7 января. С. 4.
9. Поэт Есенин покончил самоубийством // Тверская правда. 1925. 30 декабря. С. 4.
10. Поэт оставил записку, написанную собственной кровью // Новое русское слово. 1925. № 4721 (30 декабря). С. 6.
11. Поэт Сергей Есенин покончил с собой // Сегодня вечером. 1925. № 292 (29 декабря). С. 1.
12. Приказ писателям и поэтам // Новое русское слово. 1926. № 4758 (5 февраля). С. 2.
13. Прокушев Ю. Л. В поисках истины // Смерть Сергея Есенина. Документы. Факты. Версии. Москва: ИМЛИ РАН. С. 5–12.
14. Скороходов М. Париж, Рига, Нью-Йорк ... о гибели Есенина // Литературная Россия. 1990. № . 52 (28 декабря). С. 15.

*

Поступила в редакцию 02.10.2024